

Иванов-Таганский Валерий. Эхо плачущей земли : роман. — Москва : У Никитских ворот, 2025. — 416 с.

ВОТРОЧЕСТВЕ и юности я с большим интересом смотрел передачу "Искатели". Её авторы погружались в историю, как погружаются в землю, чтобы найти клад, добывали тайны прошлого, словно редкие драгоценности. И особое благоговение в каждом выпуске вызывал у меня человек, сидящий на фоне книжных полок, за крепким письменным столом. Этот человек был обложен фолиантами, освещён тихим светом зелёной лампы и в ключевые моменты зачитывал сокровенные слова — свидетельства о нашем прошлом. Он казался загадочным архивариусом, современником всех русских эпох, Нестором-летописцем, пришедшим в наш век.

Это был Валерий Иванов-Таганский. Известный актёр и режиссёр, теперь он являет себя и как писатель. Его роман "Эхо плачущей земли" не о русском прошлом, не о русском настоящем, но о русском будущем, которое "свершается сейчас". После этого романа Иванов-Таганский уже не летописец, а кудесник: "Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни..."

ЗАНИМАЕТСЯ ЗАРЯ

Герои романа создают экопоселение, где люди обретают единство с природой, чувствуют себя хозяевами на своей земле, созидателями общего дома. Люди счастливы: продышаться после долгих лет душной и тесной жизни. Вдали от города они радуют не только за чистоту внешней среды, но и за чистоту человеческих отношений, живут "не понятиями" "выгодно — невыгодно", а убеждениями: "совестливый — бесовестный", "справедливый — несправедливый". Одухотворённые люди создают общину, товарищество, и для них действительно "нет уз святее товарищества". Всего в этой общине в достатке: дружбы, любви, счастливого труда, насыщающего хлеба. Общиныки именуют своё товарищество "ЗАРЯ", и в этом слове скрыта целая программа жизни: "Знание, Альтруизм, Радость, Ясность".

Такую реальность выкрикивает из грядущего Иванов-Таганский.

МЫ ВСЕ ЧАЕМ сегодня русско-го будущего. Стараемся почувствовать, угадать его образ, найти его приметы в литературе. Литература рождает образ, на который действительность пойдёт как на горизонт. Если этот образ окажется притягательным и вдохновляющим, глубоким и небывалым, тогда и в жизни нас ждёт "Город Солнца", "город-сад". И всё же угадать мало. Есть особая сверхзадача — построить будущее. "Будущее не придёт само, если не примем мер". Роман "Эхо плачущей земли" — и есть мера русского времени, мера русского бытия, которую хочется воспринять "всем сердцем, всем сознанием".

Но образ всякого времени начинается с образа героя. С тревогой читаешь нынешние романы, где пытаются показать, что будет после Специальной военной операции. Зная историю литературы, боишься, что вновь появится гоголевский капитан Копейкин или астафьевский весёлый солдат — воин, вернувшийся с фронта, одолевший великую беду, но в мирной жизни оказавшийся неприкаянным и обездоленным, брошенным и ненужным. Боишься увидеть, как откроется новый фронт, где на бойца ополчатся иные силы — коварные, ползучие, отвращающие жизнь. Потому нам нужен сегодня неколечимый герой. Герой в былинном смысле.

Иванов-Таганский такого героя написал. Он пришёл на свет зари. Он воин, ставший тружеником. Он перекладывал свой меч на орало и с поля брани ступил на поле, где возрастут золотые колосья. Он почувствовал под ногами твёрдую почву. Понял, что его ждали. Увидел, что, пока он воевал, тыл не отсиживался в тылу, а открыл врагу второй фронт, тоже боролся за справедливость, за немеркнущую зарю нового дня. Эти два русских фронта смыкаются во спасение родной земли. Воин вместе с друзьями-однопольцами привносит в общину оборонное сознание, навыки открытого боя, чтобы всем миром одолеть и явного внешнего врага, и лукавого внутреннего. Люди зари одолевают людей мрака.

Герой нашего будущего — это сеятель, который вышел сеять в родную землю. И заронил в неё драгоценные зёрна смысла, зёрна добрых дел. Какие-то семена упадут в каменистую почву, какие-то склюют птицы, какие-то задуют сорняки, но многие прорастут. И как важно, чтобы в плодородную почву упали здоровые семена, в которых есть жизнь, в которых есть будущее. Посей — и земля всегда поможет тебе.

Роман Иванова-Таганского свидетельствует, что родная земля никогда нас не предавала. Человека могут предать многие и многое. Могут предать самые близкие, могут предать идеи и смыслы, за которые воевал, страдал, ради которых боролся много лет. Но родная земля верна и памятлива. Она врачует, утешает наши боли и утоляет наши печали. Она ждёт от нас такой же отзывчивости, с какой она сама любит каждого из нас.

Родная земля не знает разделения и потому сплывает. Это человек кроит и дробит её на государства, режет границами, рассекает улицами и переулками. Земля же, сотворённая Богом как твердь, едина. И Родина для нас — тоже твердь.

Земля плачет, но на землю приходит утешитель. Плач земли эхом отзывается в его сердце. Утешитель унимает слёзы земли. Он и есть та заря, что занимается над землей. Он знает цену слов, знает цену жизни, знает цену победы.

Роман "Эхо плачущей земли" — тучная нива. И дай Бог, чтобы зёрна этой нивы упали в сердца читателей.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ПЕВЕЦ ЦВЕТУЩЕЙ СЛОЖНОСТИ

Котельников Владимир. Воин мысли. Константин Леонтьев в поединке с веком. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2025 — 443 с.

Тираж 1 030 экз.

Володихин Дмитрий. Константин Леонтьев: русский историсоф. — Калуга, 2025. — 176 с.

Тираж 1 030 экз.

В КОНЦЕ прошлого года исследователи творчества Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) получили сразу два подарка в виде новых книг, посвящённых этому консервативному мыслителю. Обе написаны людьми, давно и преданно изучающими жизнь философа. Доктор филологических наук Владимир Алексеевич Котельников известен тем, что подготовил первую (и последнюю) в СССР книгу прозы Леонтьева "Египетский голубь", вышедшую в 1991 году. Он также является главным редактором Полного собрания сочинений (ПСС) и писем Леонтьева, которое с 2000 года издаёт Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Издание ПСС продолжается уже 25 лет, и всего в рамках проекта вышло 26 объёмных книг (отдельные тома были в нескольких книгах, изданы приложения, вышел дополнительный том серии "Архив К.Н. Леонтьева"). В 2017 году в серии "Мыслители прошлого" была издана небольшая книга Котельникова "Константин Леонтьев".

Новый труд учёного представляет собой оригинальное авторское исследование, которое в первую очередь опирается непосредственно на тексты Леонтьева. Отсылки к работам других леонтьеведов минимальны. Мы имеем именно авторский взгляд и трактовку. Это вполне допустимо, ведь у каждого писавшего о философе — свой Леонтьев. Например, Велимир Хлебников думал "о Титанике, погибающем от льда, и о льдине Константина Леонтьева. Может быть, в Северном море ещё плавают льдины. Может быть, для этого Леонтьев просил кого-то "заморозить Россию". В воображении поэта Бориса Садовского Леонтьев сам "замёрз в глыбе кристального льда". Осипу Мандельштаму Леонтьев привиделся человеком, который "из всех русских писателей... более других склонен орудовать глыбами времени. Он чувствует стелесть, как погоду, и покрывает на них". Но был и реальный человек — Константин Леонтьев. Кто же он?

Прежде всего, Котельников уделит внимание прозе Леонтьева и его критические статьи. Да, об этом уже писали Сергей Бочаров, Ольга Волковонова, Лариса Зинченко, Юрий Иваск, Александр Корольков, Генриетта Мондри, Станислав Хатунцев, Елена Хрипунова, также и автор данной статьи, и др., но в иной плоскости. С одной стороны, Котельников справедливо не принимает позицию Юрия Иваска, который в своём труде "Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество" на-

зойливо продвигал тему леонтьевского "нарциссизма". Иваск был убеждён, что "всю жизнь Леонтьев говорил преимущественно о себе, он супергерой собственных писаний, всей своей поэмы жизни". Эдуард Лимонов XIX века?

С другой стороны, в отличие от писавших до революции и пишущих в наши дни о Леонтьеве священников, Котельников (хорошо знающий и понимающий связь православия и литературы) не стремится оставить за литераторами жизненное и женолюбие Константина Николаевича, не замалчивает его "эстетику жизни", своеобразные этическое-эстетические взгляды, исповедуемые главными героями его романов. Так, Милькеев (протагонист Леонтьева из романа "В своём краю") провозглашает верховную меру прекрасного в такой эмблематической триаде: "Алквиад, алмаз, тигр", — в которой связаны "великолепие и сила, блеск и твёрдость, благородство и зло". Котельников видит здесь возможное влияние трагедии Уильяма Шекспира "Тимон Афинский", где Алквиад — один из главных персонажей, а алмаз (бриллиант) и тигр неоднократно упоминаются в различных контекстах.

Заслуживает внимания проведённый в книге сравнительный анализ идей Леонтьева и Фридриха Ницше. Эта тема не нова. Восхищаясь леонтьевским "язычеством" или его "нищешанством" (не могу не упомянуть про текст философа-декадента Фёдора Куляковского "К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека"), многие представители Серебряного века стремились привлечь Леонтьева себе в союзники (Дмитрий Мережковский вообще дописался до объявления Леонтьева сатанистом). Что сказать? Леонтьев — зеркало, в котором зачастую каждый видит своё.

Котельников тщательно стремится показать, как идеи Леонтьева вписываются в контекст творчества Жозефа де Местра, Фридриха Шиллера, Иоганна Готлиба Фихте, Вильгельма фон Гумбольдта, Шарля Бодлера, Пьера-Жозефа Прудона, Герберта Спенсера и других мыслителей. Русский консерватор Леонтьев хорошо разбирался в европейских мысли и во многом оставался под влиянием такого идейного и художественного направления, как европейский романтизм. Любопытно и отсылки Котельникова к дендизму.

Относительно русского контекста отмечу, что сравнительные параллели взглядов Леонтьева с творчеством Александра Герцена, Николая Данилевского и Владимира Соловьёва общеизвестны и неоднократно описаны, а вот "связка" с Иваном Буниным, Иваном Киреевским и Фёдором Тютчевым — несомненная авторская удача.

Увлекает и подробный текст, посвящённый леонтьевской апологии войны с отсылками к греческой и римской традициям. В работе Котельникова вообще много заслуживающих внимания исторических, философских и литературных параллелей, которые заставляют внимательного читателя задуматься, даже если не со всеми из них он согласится.

ЧТО КАСАЕТСЯ новой книги доктора исторических наук Дмитрия Михайловича Володихина, то она перекликается с его сборником статей

"Высокомерный странник". Философия и жизнь Константина Леонтьева", вышедшим в 2000 году. Символично, что в том же году стало издаваться ПСС Леонтьева, но почему-то к нему в новой книге автор не обращается. Странно на фоне опубликованной в ПСС переписки выглядят и авторское указание на сборник "Избранных писем" Леонтьева 1993 года издания, который справедливо критиковался специалистами (Ольга Фетисенко и др.) за неточности.

Вместе с тем, в новой книге Володихина была расширена историография, дополнены старые и включены новые статьи. Предположу, что в данном случае автор в большей степени стремился не столько к написанию труда из серии "всё, что вы хотели знать про Леонтьева", сколько к продолжению личного диалога с мыслителем. Вот как он сегодня оценивает свою позицию, выраженную в книге 25-летней давности: "Ничего я тогда не видел. И меня не оправдывает то, сколь много иных интерпретаторов Константина Николаевича Леонтьева фатально ошибались на его счёт, не видя контекста. То есть, ошибались точно так же, как я. Новая книга, вот эта самая, во многом — попытка исправить давнюю ошибку".

Хорошо, согласимся с автором, но тогда зачем помещать в новое издание статьи из старой книги? Вероятно, затем, что в них много верных и точных наблюдений. Например, такое: "Талантливые люди порою разбрасывают вокруг себя замечательные изобретения духа словно конфетти, совершенно не замечая, как именно прозвучал очередной всплеск их интеллектуальной избыточности. В данный момент их занимает другое, а эта очередная блёстка ума создана ими лишь как частность в канве основной идеи. Леонтьевские "блестки" ...нередко могут оцениваться следующим образом: по абзацу против солидного научной монографии на ту же тему".

Жаль, что книга Володихина, вышедшая тиражом 1030 экземпляров, распространяется только в Калужской области (как я понимаю, таковы спонсорские условия), ибо немногие специально поедут её покупать. С другой стороны, хочется надеяться, что сложившаяся ситуация послужит пробуждению интереса к личности мыслителя на калужской земле. Возможно, появятся новые места памяти или кто-то из читателей, отложив текущие дела, соберётся в дорогу и, как автор книги, приедет в Гефсиманский скит помолиться об упокоении души русского философа.

Стоит перевернуть страницы новых книг, чтобы погрузиться в чарующий и необычный мир Константина Леонтьева. Мир удивительного сочетания неистового пламени и блистающего льда. А вот попытаться повторить "путь Леонтьева" всё же не следует. Идите с томиком Леонтьева в руках, но идите своим путём. В 1996 году Володихин в своей статье "Леонтьевский ренессанс" уже отмечал, что "суровое леонтьевское христианство абсолютно несовместимо с трепетом литературного или философского творчества. Быть подлинным леонтьевцем и одновременно быть знаменитым гуманитарием невозможно: несовместимо с самим духом определения "леонтьевец".

Александр РЕПНИКОВ

Воронин Юрий. Стреноженная Россия. Политико-экономический портрет ельцинизма. Книга 1. Двадцать шесть часов стрельбы по народу. — Москва : Наш круг, 2025. — 630 с.

Воронин Юрий. Стреноженная Россия. Политико-экономический портрет ельцинизма. Книга 2. Лики и маски. От разрушения к созиданию. — Москва : Наш круг, 2025. — 772 с.

ЭТО УЖЕ ТРЕТЬЕ за последние двадцать с лишним лет издание фундаментальной работы Юрия Михайловича Воронина, посвящённой последствиям уничтожения СССР и "лихих девяностых" для исторических судеб нашей страны, — и по сравнению с первым, 2003 года (издательство "Республика"), объём книги увеличился почти вдвое, а по сравнению со вторым, 2014 года (авторское издание), — в полтора раза, тем самым подтверждая известный тезис о том, что "большое видится на расстоянии". С течением времени многие события начинают восприниматься иначе, нежели это было "по горячим следам": что-то уходит на второй или даже третий план, а что-то, ранее представлявшееся незаметным или мало-значительным, наоборот, выдвигается на первый, изменяется и общий контекст событий. Если же сравнить эту работу с первой "послечерноябрьской" книгой автора, которая вообще "писалась в подполье" ("Свинцом по России", М.: Палая, 1995 г.), — контраст окажется ещё более впечатляющим. Тем не менее Юрий Воронин за это время не отказался от своей убеждённости в том, что СССР был уничтожен "теоретически не обоснованной перестройкой", а "случившееся утром 4 октября 1993 года не могло и не должно было случиться!". "Была реальная альтернатива кро-

РОКОВЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

вополитию, которая, осознанно или нет, так и осталась невостребованной", хотя он не отрицает, что за событиями того периода "стоят и в них проявляются некоторые глобальные тенденции мирового исторического процесса".

Автор указывает на четыре такие глобальные тенденции: 1) формирование новой парадигмы власти с интенсивной концентрацией в "узком вненациональном кругу людей" "управляющего капитала" (то есть не просто капитала как самовозрастающей стоимости и макроэкономического фактора производства, а комплекса социальных связей, обеспечивающих управление обществом в целом; собственно финансовое измерение капитала здесь далеко не определяющее, для определения данного понятия уже предложен термин "павершал", англ. powerfull буквально переводится как "могущественный". — Авт.); 2) трансформацию гражданского общества как доминирующего типа социальных структур в общество массовое; 3) технократизация общества и 4) его аномию как стремление массового сознания к "нулевому" порогу ценностного содержания. Можно понять, что Юрий Воронин не рассматривает "перестройку" времён Горбачёва и "рыночные реформы" времён Ельцина как логичное и закономерное следствие курса на "разрядку" международной напряжённости и "конвергенцию (мирное сосуществование) двух общественно-политических систем", взятую политическим руководством КПСС и СССР после Карибского кризиса 1962 года, хотя историю перестройки вполне обоснованно возводит к козыгинской хозяйственной реформе 1965 года. Автор особо отмечает, что цель его работы (которой, ещё раз подчеркнём, он занимается вот уже почти треть века) — "предложить опирающиеся на отечественные

реалии и мировой позитивный опыт пути модернизации российской экономики", и она направлена против тех, "кто считал и считает ...историю России как бы исключённой из общемирового процесса", "тошнкой истории". Важно, что это не взгляд профессионального, академического историка, но прежде всего — активного участника событий 1980–1990-х годов, бывшего народным депутатом РСФСР в 1990–1993 годах и депутатом Государственной думы II созыва в 1996–2000 годах, а с марта по октябрь 1993 года занимавшего пост первого заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации — т. е. одного из тех людей, "которым в силу положения и обстоятельств дано было знать до конца "фактологию" происходящего — день за днём, час за часом", а вследствие этого — "возможность знать и постигать глубинные процессы, следствием которых стало кровавое противостояние осени 93-го".

Неразрывная связь событий, вызвавших сначала уничтожение СССР, а затем, по сути, государственный переворот в России с расстрелом Верховного Совета, может быть интерпретирована по-разному, но ясно, что без решающего участия системы отечественного "управляющего капитала" ("павершала") вся цепь событий выглядела бы несколько иначе, с иными причинно-следственными соотношениями. Почему спешаз, который был готов арестовать Ельцина в августе 1991 года, когда случился "путч ГКЧП", так и не получил соответствующего приказа? Почему первый президент "незалежной" Украины Леонид Макарович Кравчук, которого автор книги знал достаточно близко ("...В начале 80-х годов мы работали заведующими отделами пропаганды и агитации: Я. Кравчук — в ЦК КПУ, я — в Татарском ОК КПСС. Я неоднократно бывал у него в гостях, вспоминали годы, проведённые в Академии общественных наук при ЦК КПСС, которую в своё время окончили. Наши беседы проходили весьма приятно, задуманное, а уж каких только откровенных бесед мы не вели. Никаких националистических завихрений у него даже не проскакивало"), оказался в числе подписантов пресловутых Беловежских соглашений? Просто, как выразился автор, "ржа проела"? Или были тому далеко не только личные, а иного, структурного характера, причины? Книга Юрия Воронина даёт множество поводов для постановки подобных вопросов. Возможно, в этом заключается главное значение его книги, ныне выходящей далеко за рамки "свидетельства очевидца".

С ТОГО МОМЕНТА, когда Советский Союз, согласно Беловежским соглашениям Ельцина, Кравчука, Шушкевича и компании отечественных демократов, "как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил своё существование", прошло почти 35 лет — то есть уже больше половины отпущенного СССР исторического срока от создания до гибели. Те события президент России Владимир Путин ещё в своём Федеральном послании 2005 года охарактеризовал как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века, а Юрий Воронин неслучайно упоминает о "невиданных деформациях структуры экономики и социально-психологического настроения" нашего некогда единого общества — о деформациях, которые отчётливо проявились в ходе Специальной военной операции (СВО) на Украине. Никто не сможет отрицать тот факт, что нынешняя линия боестолкновений затрагивала и затрагивает территории двух бывших республик Советского Союза, то есть части в недавнем прошлом одной страны, с единым инфраструктурным, языковым, культурным и

даже ценностным пространством. Именно последнее из них оказалось разрушенным, что предопределило и нынешнее разрушение всех остальных пространств единства, и стремление Украины стать частью западной цивилизации — не просто "хоть тушкой, хоть чучелком", но "против России, на обломках России и за счёт России", как рассчитывал и прогнозировал патентованный русофоб Збигнев Бжезинский ещё в разгар российских "рыночных реформ" и "демократизации общества", приведших нашу страну в конце 1990-х на грань разрушения.

Автор не скрывает своего более чем отрицательного отношения к курсу, "проводимому российскими либерал-экономистами с начала 90-х годов прошлого столетия на базе концепции главы "чикагской школы" М. Фридмана, рекомендаций "Вашингтонского консенсуса" и международных финансовых институтов (Всемирного банка, Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития), приоритеты которых заключаются в первенстве финансовых институтов, снижении регулирующей роли государства в экономике, борьбе с инфляцией только денежными агрегатами". В книге анализируются реальные проблемы нашего общества: демографический кризис, вызывающие высокий уровень социального неравенства, низкая реальная производительность труда и уровень доходов населения, высокая инфляция и другие. В то же время автор отмечает и реальные успехи — например, то, что по прогнозу ООН 2008 года численность населения России к 2025 году должна была составить всего 116 млн человек (т. е. на 30 млн чел. меньше, чем в реальности, да ещё без учёта жителей новых регионов). Практически выполнена и поставленная президентом Путиным задача по созданию и модернизации к 2020 году 25 млн высокопроизводительных рабочих мест: по итогам 2023 года (в условиях коронавирусной пандемии, антироссийских санкций и СВО. — Авт.) в стране, судя по данным Росстата, насчитывалось уже более 24 млн таких мест. Не говоря уже о том, что "гибридная война" коллективного Запада против нашей страны руками киевского режима явно не завершится "стратегическим поражением России на поле боя" с её "отменой" в политике и истории, как это планировалось западными центрами управления.

Да, российской политической власти теперь предстоит разорваться с моделью государства, которое она хочет построить в нашей стране — многие характеристики прежней модели выглядят уже неэффективными и лишь относительно приемлемыми. Но само начало и проведение СВО, по сути, стало следствием и одновременно результатом несостоятельности либерал-монетаристской версии капитализма, которую с 1990-х годов силами западной цивилизации пытались утвердить в рамках однополярного мира Pax Americana, "империи доллара" и "культуры отмены". Что в реальности придёт ей на смену — вопрос, по большому счёту, открытый. Будет ли это предлагаемая Юрием Ворониным и его единомышленниками из левой оппозиции, с опорой прежде всего на современный китайский опыт, "модель социально-экономического развития, опирающаяся на государственный планово-рыночный механизм и формирующая социально справедливое общество социалистического типа" или что-то иное — покажет время. Но выдвинутый автором тезис о том, что, начав СВО, Россия фактически последовала своему историческому опыту, отвергая, как в ходе революции 1917 года и Второй мировой войны, гибельную для всего человечества перспективу глобального торжества мифа о капитализме как естественном венце и конце истории, подтверждая своё стремление к иному, более справедливому и разумному, типу мироустройства, конечно, заслуживает дальнейшего изучения и развития.

Владимир ВИННИКОВ

«Шоковый терапевт» Егор Гайдар в ночь перед расстрелом из танков первого российского парламента. Октябрь 1993 года.